

С.В. ФЕДОРОВА

Петрозаводск

Заимствования и контаминации в севернорусских духовных стихах

Записи духовных стихов, сделанные фольклористами на территории Олонецкой губернии и Карелии, охватывают почти полтора столетия. На данный момент нам известно около 900 текстов стихов, в большинстве своем неопубликованных, хранящихся в Архиве Карельского научного центра РАН, архиве кафедры русского устного народного творчества МГУ, Рукописном отделе Института русской литературы РАН и других архивах¹. Еще в начале XX в. традиция народной духовной поэзии на Русском Севере была вполне устойчивой. Ее угасание, наблюдавшееся с середины 1920-х г., продолжалось на протяжении всего столетия. Последние полные варианты были пропеты собирателям в 1998 г., но в Заонежье до сих пор еще можно записать пересказы, отрывки текстов и рассказы о бытовании стихов².

К настоящему моменту нами изучен сюжетный состав севернорусской духовной поэзии, систематизированы данные об исполнителях и условиях бытования традиции. Составлена карта распределения стихов по Карелии и сопредельным территориям³.

Старшие, эпические стихи представлены в записях собирателей значительно более обширно, чем младшие, старообрядческие, которые составляют приблизительно шестую часть всего корпуса текстов. Количественное и качественное соотношение текстов эпических стихов на различные сюжеты полностью подтверждает наблюдения Ю.А. Новикова: дольше всего в народной памяти удерживались те сюжеты, в которых присутствует семейный конфликт⁴. Не случайно стихи часто записывали от тех же исполнительниц, которые знали и баллады.

По сравнению с былинами и балладами в духовных стихах вариативность выражена в значительно меньшей степени. Стабильность их текстов иногда даже вводила в заблуждение исследователей и собирателей. Так, Н.И. Савушкина в отчете экспедиции 1956 г. «По следам Рыбникова, Гильфердинга и братьев Соколовых» отмечала: «...хотя

былины-баллады и духовные стихи и объединяются в сознании исполнителей, их «освоение» различно. Духовный стих обычно воспроизводится канонически, а былина-баллада — творчески. Былины-баллады дают значительное вариантное разнообразие, отличаются разработкой тех или иных эпизодов и использованием художественных деталей. Духовные стихи часто исполняются не полностью или в устном пересказе. Ничего личного, творческого исполнители в них не вносят, что подтверждается сопоставлением вариантов»⁵. Однако текстологическое исследование приводит к иным выводам, по крайней мере, в отношении самых популярных сюжетов, известных в большом количестве записей.

Нами были изучены тексты стихов о Вознесении Христовом, о двух братьях Лазарях, о муках Егория, о Егории и царевне и об Алексее человеке Божиим, которые составляют почти половину всего корпуса севернорусских духовных стихов. Действительно, если говорить о последовательности мотивов, об их формульном оснащении, то нельзя не признать, что почти все изменения этого уровня связаны с разрушением стиха, с его забвением. Лишь изредка встречаются локальные разработки отдельных мотивов⁶. Мотив, утративший свое формульное выражение, очень редко обретает новое (аналогичное): он может стать бесформульным, может быть выражен пересказом или вовсе исчезнуть. Иногда он заменяется иным мотивом, не характерным для данного сюжета. Последовательность мотивов, составляющих целый эпизод стиха, также может заменяться отрывком из другого произведения. Подобные заимствования и контаминации достаточно редки, но при обзоре большого числа текстов очевидна их «неслучайность», которая свидетельствует о творческом характере данных изменений. Появление их в стихе не всегда означает, что его текст разрушается. Заимствования и контаминации в том или ином виде присутствуют в небольшом количестве вариантов всех изученных нами сюжетов.

Духовный стих о двух братьях Лазарях отличается от прочих сюжетов хорошей сохранностью текстов; даже пересказы стиха часто сохраняют длинные цепочки формул. Стабильность обусловлена структурой стиха; он изобилует повторами и построен с помощью композиционного параллелизма. Эпизоды прошения милостыни, мольбы об упокоении души и описания смерти чередуются, чуть меняясь в зависимости от того, идет ли речь о бедном Лазаре или о богатом. Многие строки пропеваются по два, а то и по четыре раза; не повторяются только зачин и финал.

Контаминаций этот стих не знает, если не считать одного далеко отстоящего от традиции варианта, в котором обличается кулак («богатый Лазарь Иван Петрович»), ставший шпионом и застреливший убогого брата. Находясь в заключении, убийца рассказывает стражам о судьбе двенадцати братьев Лазарей, из которых девять «во разбой пошли». Объединение переработанного стиха с балладой о сестре и бра-

тях-разбойниках привело к очевидному несообразию в развитии действия⁷.

Стих в традиционной редакции заканчивается отказом убогого Лазаря дать воды богатому и напоминанием, как последний «на вольном на свету» отрекся от их родства. В пяти вариантах⁸ отказ сопровождается отповедью:

В Божью-то мы церковь не хаживали
И праведна моленьица не слыхивали,
Холодного, голодного ты не накормил,
Голого да босого ты не обладел,
От темной ноченьки ты не сохранил...⁹

Восходящее к словам Христа (Мф. 25: 41—43) подобное обличение грешников встречается во многих вариантах стиха о Страшном Суде. В данном тексте оно могло появиться под влиянием формулировок просьбы убогого Лазаря о милостыне:

Накорми-тко, братец, голого меня,
Напой-ко, братец, жадного меня,
Обнадёжь, обуи, братец, босого меня...¹⁰

Отметим, что сходным образом может быть сформулирована и просьба Алексея человека Божия, вернувшегося в отчий дом; аналогичное перечисление основных человеческих надобностей присутствует и в стихе о Вознесении Христовом.

В стихе о двух братьях Лазарях сходство ситуаций (обличение грешника в загробном мире) и почти дословное совпадение строк подтверждают заимствование из стиха о Страшном суде. Однако следует сказать, что в севернорусских текстах народной духовной поэзии присутствуют мотивы, свободно кочующие в одной и той же формулировке из одного сюжета в другой. К таковым можно отнести мотив усердной молитвы («День они молились со слезами, ночь они молились со свечами») и описание христианского благочестия героев («Стали они Богу молиться, кажду среду-пятницу поститься, кажду субботу причащаться»), которые встречаются в стихах о Пятнице и пустынноике, об Алексее человеке Божиим (в применении и к родителям Алексея, и к самому святому), в стихе о Егории и царевне и др. Многие обвинения в нарушении ритуального и «карикативного» законов, сходно сформулированные, также обнаруживаются в самых разных сюжетах¹¹. В таких случаях сложно говорить о заимствованиях; скорее всего, перед нами «общие места» эпической духовной поэзии, которые, не будучи связаны непосредственно с развитием действия, проходят через разные сюжеты и задают особый, умиленный и покаянный настрой «божественных» стихов.

Духовный стих о Вознесении Христовом по структуре напоминает стих о двух братьях Лазарях: тот же композиционный параллелизм, то

же повторение целых отрывков стиха с некоторыми изменениями. Последовательность «гора золотая», «река медовая», «сады-винограды» в речах Христа и Иоанна Предтечи повторяется четыре раза. Структура стихов о Вознесении и о братьях Лазарях, способствующая сохранению текстов, оказывается почти непроницаемой для заимствований. Открыты для изменений лишь зачины и концовки.

В вариантах, записанных от М.С. Медведевой¹², стих о Вознесении присоединяется ко «Сну Богородицы»: после того как Христос истолковывает сон и рассказывает о грядущем вознесении, Богородица спрашивает сына, на кого он её оставит и покинет; следует ответ — на «Ивана Предотече». Далее в вариантах М.С. Медведевой идут строки:

Росплакались нищи, убоги,
Росплакались нищие братья:
«Ай же ты, Иисус Христос Царь Небесный,
На кого ты нас здесь оставишь,
На кого ты нас здесь покинешь?»¹³

Одинаковая формулировка вопросов Богородицы и нищей братии, прослеживаемая и по другим, неконтаминированным текстам, упоминание Иоанна Предтечи и, главное, описание вознесения, почти дословно совпадающее в «Сне Богородицы» и стихе о нищей братии, позволили осуществить эту контаминацию весьма органично. Традиционное начало стиха о нищей братии, в котором говорится о уже произошедшем или ожидаемом вознесении Христа, в вариантах М.С. Медведевой упущено — описание вознесения уже прозвучало из уст самого Христа.

Духовные стихи о муках Егория и о Егории и царевне тоже могут объединяться в один текст. В нашем материале присутствует четыре таких контаминации¹⁴ из разных районов Карелии, причем во всех текстах сюжет о муках идет первым. Лишь в одном варианте, записанном от К.Е. Ремизовой (вдовы известного сказителя Н.А. Ремизова), объединение привело к оригинальным изменениям текста стиха о Егории и царевне: претерпев муки и освободившись из погребца, Егорий едет к матери, а от нее спешит «к этому царю да к стольнёкиевскому» на выручку царевны. Зачин стиха о Егории и царевне, эпизоды, посвященные бросанию жребия, диалогу царя и его жены, обману царевны и описанию ее реакции, отсутствуют. Исчезли и конфликт царевны с родителями, и упоминание о ее православной вере. Подвиг Егория в данном варианте заключается не в спасении города через обращение его жителей в христианство, а в убийстве семиглавой змеи. И в образе святого-богатыря, и в описании боя очевидно воздействие на этот вариант былинного эпоса. Не исключено, что трансформация сюжета была осуществлена Н.А. Ремизовым, от которого К.Е. Ремизова и переняла этот стих.

В остальных случаях стих о Егории и царевне присоединен к «Мукам» без изменений, механически: изложив то, как, выйдя из погребца, Егорий Храбрый садится на «добра коня», исполнители без остановки

и, видимо, на тот же мотив пели о наказании, ниспосланном Богом на город (зачин стиха о Егории и царевне).

Стих о муках Егория при любых контаминациях остается практически неизменным. Освобождением Егория из погребца заканчивается большинство олонецких вариантов этого стиха. В отличие от архангельских текстов¹⁵, более близких к былинам и, возможно, поэтому более вариативных, стихи о муках Егория, записанные в Карелии, невелики по объему и обладают устойчивым составом мотивов.

Стих о Егории и царевне, как это неоднократно отмечалось исследователями¹⁶, значительно более «открыт» влиянию различных жанров русского фольклора. Эта его особенность может объясняться самим сюжетом, включающим распространенные в других жанрах мотивы. Прозаические пересказы стиха попадают в орбиту сказочного влияния; один из них, названный исполнительницей «сказкой», делает безымянного царя отцом трех дочерей, одна из которых, нелюбимая Исафья, просит отца построить три церкви и добывается своего, приведя змею в город¹⁷. Пробуждение героя от девичьей слезы — тоже сказочный мотив, сохраняющийся во всех пересказах стиха. Некоторые севернорусские варианты включают в себя причитание царевны, узнавшей о своей участи. Появление Егория на белом коне описывается в былинной манере. Наконец, в финале Елисафия или Егорий заклиняют змею. Сюжет в целом может восприниматься как этиологическое предание: закончив пение, некоторые исполнители указывали, что от «маленьких гаденышей», на которых «распалась» змея, и пошли змеи¹⁸. При этом действие стиха о Егории и царевне развивается с балладной напряженностью, и его женские образы (царевны и ее матери или мачехи) разработаны в балладном ключе.

Стих об Алексее человеке Божиим, превосходящий все остальные сюжеты по количеству вариантов, также дает примеры заимствований и контаминаций. Наиболее интересным представляется взаимодействие этого сюжета со стихом о царевиче Иоасафе, где он обращается к пустыне. Герои обоих стихов являют собой пример смирения и подвижничества, «идеал аскетической святости»¹⁹. Их сходство становится почвой для заимствований.

Во многих поздних вариантах стиха об Алексее отсутствует эпизод, связанный со странствиями святого, с его пребыванием в г. Эдессе. Вместо Эдессы могут упоминаться «дальние страны», «подземные ски-ты», пустыня. Тема пустыни, пустынного жития, столь любимая старообрядцами, вероятно, появилась в стихе не без их содействия. В девяти текстах вместо забытого описания странствий следует диалог Алексея с пустыней, заимствованный из стиха об Иоасафе²⁰:

«Ай же ты Олексий, человек Божий,
Что ты сюды ко мне приехал,
Нет во мне красного ношенья,
Нету во мне сладкого еденья,
Нет во мне садов-то виноградов,

Нет во мне царских забавов».
«Ай же ты, матушка-пустыня,
Того я к тебе и приехал:
Господу-Богу помолиться,
За млады лета потрудиться...»²¹

Стихи об Иоасафе царевиче на различные сюжеты очень часто встречаются в старообрядческих рукописных стиховниках²². В записях собирателей, сделанных на Русском Севере, диалог Иоасафа с пустыней нам не встречался. Воздействие на стих об Алексее рукописной традиции духовной поэзии в данном случае представляется бесспорным.

Влияние книжных старообрядческих стихов об Иоасафе, возможно, наблюдается и в тех поздних вариантах, где Алексей, покидая родных, отправляется в Индийское царство²³. То, что Иоасаф — *индийский* царевич, скорее всего, было известно исполнителям стихов о нем. Хотя в самих текстах книжных стихов об Иоасафе Индия упоминается редко, в их заглавиях она встречается²⁴. В пользу этой версии появления экзотической страны в стихе об Алексее свидетельствует один из вариантов, в котором оба заимствования из стиха об Иоасафе встречаются вместе: Алексей, попав в Индийское царство, просит пустыню выпустить его спастись²⁵.

Итак, стихи о двух братьях Лазарях, о Вознесении Христовом, а также олонецкая версия стиха о муках Егория практически не подвержены заимствованиям; их контаминации с другими сюжетами единичны. Стих об Алексее человеке Божиим открыт влиянию других духовных стихов о подвижниках (кроме случая с Иоасафом существует еще контаминация со стихом о Пятнице и пустыльнике). Воздействие других жанров фольклора наиболее ошутимо в стихе о Егории и царевне. Некоторые мотивы, известные балладе, сказке, свадебному причитанию, прочно вошли в ткань этого духовного стиха.

Очевидно, степень подверженности заимствованиям и потенциальная способность контаминироваться с другими сюжетами зависит от мотивной структуры стиха и от того, насколько распространены мотивы, его составляющие, в других жанрах фольклора. Изменения в текстах стихов, рассмотренные в докладе, встречаются в основном в поздних вариантах, записанных в XX в. Тем не менее, не все эти изменения можно однозначно трактовать как ухудшение. То, что на первый взгляд кажется порчей данного стиха, свидетельствующей о его разрушении, при анализе всех доступных вариантов может оказаться закономерным результатом его развития.

Примечания

¹ Обзор основных собраний севернорусской духовной поэзии дан в ст.: Федорова С.В. Духовные стихи, записанные на территории Карелии: особенности географического распределения // Живая старина. 2005. № 4. С. 11–13. Рукописные сборники духовных стихов, привлеченные для исследования, хранятся

в Беломорском и Каргопольском собрании ОР БАН, а также в Карельском собрании Древлехранилища ИРЛИ РАН.

² Так, в ходе студенческой фольклорной экспедиции ПетрГУ 2005 г. в д. Космозеро Медвежьегорского р-на автору статьи удалось записать отрывок стиха о Пятнице и пустыннике от А.С. Ермолиной.

³ Некоторые результаты исследования отражены в следующих публикациях: Федорова С.В. Духовные стихи в фольклорных коллекциях Архива КарНЦ РАН // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы 4-й Междунар. науч. конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 127—129; Федорова С.В. Олонецкие духовные стихи: вопросы бытования и собирания // Православие в Карелии: Материалы 2-й Междунар. науч. конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 309—316; Fedorova S.V. The Singers of Northern Russian Religious Verses // FOLKLORICA: Journal of the Slavic and East European Folklore Association. 2004. Vol. IX. No 1. P. 3—12.

⁴ Исключение составляет «Сон Богородицы», сохранению которого способствовали рукописная форма бытования и функционирование в качестве заговора. См.: Новиков Ю.А. К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1971. Т. 12. С. 209—210.

⁵ Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1956 г., тетр. 1, экспедиционный отчет.

⁶ Например, в вариантах стиха об Алексее человеке Божиим первый эпизод, повествующий о рождении святого по молитвам родителей, имеет два варианта зачина и четыре разных мотива зачатия, которые распределяются по Заонежью и по селам побережья Белого моря.

⁷ Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1960 г., тетр. 23, № 1.

⁸ Бессонов П.А. Калеки переходные. М., 1861. Т. 1. № 22; Барсов Е.В. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии // Записки Российского Географического Общества по Отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 3. С. 598—599; Песни русского народа / Собр. в губернии Архангельской и Олонецкой в 1886 г.; Зап.: слова Ф.М. Истомина, напевы Г.О. Дютш. СПб., 1894. № 6; Архив КарНЦ РАН, колл. 8, № 100, колл. 79, № 936.

⁹ Архив КарНЦ РАН, Колл. 8, № 100.

¹⁰ Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. № 29. С. 188.

¹¹ См.: Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 84—91.

¹² Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН, в/к 8, № 28; Архив КарНЦ РАН, колл. 147, № 108, колл. 191, № 234; личный архив С.Е. Никитиной, зап. 1980 г.

¹³ Данная контаминация уже рассматривалась в ст.: Бахтина В.А. Духовные стихи в свете повторных записей // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады конференции «Рябининские чтения — 99»). Петрозаводск, 2000. С. 20—21.

¹⁴ Русские эпические песни Карелии... С. 48—51; Архив КарНЦ РАН, колл. 21, № 142, колл. 79, № 726; Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1966 г., тетр. 14, № 38. Последний вариант отрывочен, частично пересказан; о муках Егория говорится в первых двух строках, после чего исполнительница безо всякого перехода заводит речь о змее, «спущенной» Богом на город, и кратко излагает содержание стиха о Егории и Царевне.

¹⁵ См.: Хлыбова Т.В. Стихи о святом Георгии-Егории (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории текста: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1994. С. 18—19.

¹⁶ См.: Новиков Ю.А. К вопросу об эволюции духовных стихов... С. 213—214; Бахтина В.А. Духовные стихи в свете повторных записей... С. 20.

¹⁷ Архив КарНЦ РАН, колл. 93, № 229.

¹⁸ В. Х. Из олонекских легенд // Этнографическое обозрение. Кн. 11. 1891. № 4. С. 196; Архив КарНЦ РАН, колл. 36/1 № 39; Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1960 г., тетр. 5, № 41.

¹⁹ Федотов Г.П. Стихи духовные... С. 102.

²⁰ Архив КарНЦ РАН, колл. 21, № 138; колл. 79, № 901; колл. 130, № 13; колл. 145, № 25; Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1960 г., тетр. 5, № 8, тетр. 11, № 55, тетр. 22, № 2; экспедиция 1968 г., тетр. 15, № 19; личный архив С.Е. Никитиной, запись 1980 г.

²¹ Русские эпические песни Карелии... С. 191.

²² Петрова Л.А. Сюжетный цикл духовных стихов о Варлааме и Иоасафе // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. СПб., 1994. С. 141.

²³ Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1960 г., тет. 8, № 32; Агренева-Славянская О.Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными: В 3 ч. СПб., 1889. Ч. 3. С. 108; ГЛИМ, коробка 17, инв. 211, папка 74, № 4.

²⁴ См., например, Карельское собрание Древлехранилища ИРЛИ РАН, № 210, лл. 20—24 об.; № 216, лл. 22—25; № 506, лл. 25 об. — 28 об.

²⁵ Архив кафедры РУНТ МГУ, экспедиция 1960 г., тетр. 8, № 32.